

У.И. Баженова

Баженова Ульяна Игоревна — доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: ulyana-nn@yandex.ru

Русские общественные деятели об экономических нормах и нравственных императивах европейского буржуазного общества XIX—XX веков

В статье рассматривается **полемика**, развернувшаяся в **России** по вопросу о **соотношении экономических норм и нравственных императивов**. В работе рассматриваются основные точки зрения на коммерциализацию общественных отношений и изучение этих концепций в связи с нравственными установлениями.

The article considers different **opinions** of **Russian community leaders** about **economic norms and moral imperatives**. In the paper there are reviewed the question on the main points of view on the commercialisation of public relations and studying these concept from the moral perception.

В очередной раз мировой финансово-экономический кризис привлекает внимание к состоянию общественного развития в целом¹, когда опробованные модели развития и представления о его целях оказываются несостоятельными, а человечество в целом — на тупиковом пути развития. Современная глобальная экономика нацелена на рост любыми путями. В доминирующей неолиберальной трактовке это объясняется необходимостью насыщать беспредельно растущие потребности человека и общества.

Однако еще в 1896 году В.С. Соловьев писал, что экономика должна подчиняться нравственным началам, не быть борьбой за удовлетворение частных интересов отдельных личностей («Кто отказывается признать эту истину в принципе, тот почувствует ее фактическую силу в финансовых «крахах» и хозяйственных кризисах»), что представления о нравственной норме определяют характер поведения людей в хозяйственной сфере, а поэтому изучение вопросов экономического развития не может быть свободно от этических оценок. По его мнению, главной задачей является не изучение хозяйственной жизни, а выяснение, для чего человек действует в экономике, к чему он в ней стремится, что осуществляет и какой она должна быть².

В связи с этим представляется интересным обратиться к полемике видных представителей российского общества XIX века о влиянии нравственных установлений на коммерциализацию общественных отношений.

Если занять лидирующие по уровню экономического развития позиции странам Запада позволили такие добродетели, как трудолюбие, предпри-

имчивость и бережливость, то причиной установившегося владычества роскоши стал упадок общественной морали, сопровождавший промышленный подъем.

Автор статьи «Общественные недуги в Западной Европе» считал, что следствием промышленного развития западноевропейских государств в рассматриваемый период времени стало духовное разложение общества, проявившееся в невиданном ранее владычестве денег, которые превратились из средства оборота в его цель. В этих условиях происходило «колоссальное размывание ценности труда»³. С одной стороны, основным мотивом стало не поддержание жизни, а нажива, а с другой — значительное место заняло стремление избавиться от труда и жить в полном довольстве, ничего не делая. Автор видел победу мертвой сущности — денег — над живым началом, заложенным в труде.

Эти недуги промышленно развитых стран вызвали беспокойство и негодование у мыслящих людей России. Так, Д.И. Фонвизин писал: «Божеество французов — деньги, корыстолюбие несказанно заразило все состояния...»⁴. А.С. Пушкин, ссылаясь на записки Джона Теннера, отмечал, что современное американское общество поражено цинизмом, предрассудками и тиранством, что в нем «все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавлено неумолимой эгоизмом и страстью к довольству»⁵. Ф.М. Достоевский в 1863 году говорил, что Париж и Лондон покорились Ваалу и обоготворили его: «Накопить fortuna и иметь как можно больше вещей — это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм»⁶. Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский

Баженова У.И. Русские общественные деятели об экономических нормах и нравственных императивах европейского буржуазного общества XIX—XX веков

в свою очередь пришли к убеждению, что вся неправда существующей системы отношений с личной собственностью, денежным хозяйством коренится в нравственном истощении европейской цивилизации, поглощенной страстью жить и отказавшейся от постановки вопроса о смысле жизни и веры в Бога⁷. Н.В. Гоголь тоже считал, что современное человечество сошло с пути Истины, «духовно заснуло и ушло во внешнюю жизнь — различные усовершенствования и всякий комфорт, забыв, что его обязанность состоит в том, чтобы работать не для себя, а для Бога»⁸.

Спектр воззрений общественных деятелей был многообразным — от консервативных и либеральных, до революционно-демократических и христианско-социалистических. Вместе с тем, можно выделить две позиции: первая — западноевропейский путь общественного развития универсален и России его не избежать; вторая — общий закон социального прогресса отсутствует, так как Россия отличается своеобразием.

Марксисты, видя в капитализме необходимую стадию общественного развития, не отказывали ему в исторической перспективе, считая его переходным этапом в продвижении к обществу социальной справедливости.

А.И. Бутовский в своем труде «Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии» считал необходимым в процессе изучения экономики учитывать не только производственно-коммерческий, но и духовно-нравственный аспект хозяйственных отношений. Истинная политэкономия та, которая не игнорирует правила нравственности⁹.

Русский мыслитель В.А. Милютин в работе «Опыт о народном богатстве, или О началах политической экономии. Сочинение Александра Бутовского» доказывал, что причиной ложности воззрений является характер выбранного предмета — то есть богатства, которое рассматривается как нечто самодавяющее. Таким образом, пропала связь между богатством и человеком. По его мнению, богатство является средством, а целью — благосостояние человека. Также он говорил о несовместимости с принципом справедливости превращения труда в товар: «Труд и деятельность человека не могут быть поставлены наряду с товаром. Позабывать об этом, уподобить труд товару, значит смотреть на человека как на машину, как на вещь бесчувственную, не имеющую никаких прав»¹⁰.

Революционные демократы А.И. Герцен и Н.П. Огарев разделяли суждения В.А. Милютина. Но наиболее полно эту позицию обосновал Н.Г. Чернышевский в «Капитале и труде», который обратил внимание на то, что буржуазное общество по своей сути мало отличается от рабовладельческого. Свои представления о должной организации производственной деятельности он также изложил в романе «Что делать?»¹¹, где противопоставил капиталистическое предпринимательство, ориентированное на умножение прибылей собственника,

кооперативному производственному товариществу, работающему без капиталиста на себя. Н.Г. Чернышевский своим романом проявлял солидарность с воззрениями Ш. Фурье и Р. Оуэна, показывал возможность их воплощения на российской почве.

В 50—60 годы XIX века идеи о новой организации производственной деятельности, принципиально противоположной капиталистическому предпринимательству, были чрезвычайно популярны в среде революционной демократии. Н.А. Добролюбов в своем сочинении «Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ», опубликованном в журнале «Современник» в 1859 году, писал о том, что Оуэн, вступив в права хозяина, увидел источник дурного хода дел на производстве во взаимной недоверчивости и неприязни между хозяевами и работниками. Он разработал «теорию взаимных услуг», в соответствии с которой хозяин в целях возвышения «достоинства работы и самих выгод фабрики» должен заботиться об улучшении материального быта работников, их нравственности, формировании в них потребности в живом участии в интересах всего предприятия и любви к делу¹². Но это были единичные случаи, а подавляющее большинство фактов промышленной жизни Западной Европы свидетельствовали о бесправии рабочего класса.

Революционные демократы говорили о распространении разнообразных форм социальной несправедливости, подчеркивали, что этот процесс напрямую связан с падением традиционных устоев общественной нравственности. Так, А.И. Герцен пришел к убеждению, что в индустриально развитых странах произошло невероятное по масштабам оскуднение идеалов, ограничивших всю нравственность формулой: «имущий должен всеми средствами приобретать, а неимущий хранить и увеличивать свою собственность». Таким образом, нажива превращена в страсть, религию. Герцен считал, что, с одной стороны, происходит размывание всего индивидуального и самобытного: люди, как товар, стали чем-то оптовым, все пронизано коллективной посредственностью, не допускающей личного вкуса, а с другой — воцарение равнодушия к судьбе отдельного человека.

Герцен также отмечал, что сложившаяся ситуация была прямым следствием распространения мещанства как совокупности этико-мировоззренческих установок. Интересно, что в России под словом «мещанин» со второй половины XIX века стали подразумевать не только «горожан низшего разряда», но и людей «с мелкими интересами и узким кругозором». У отечественных мыслителей перспектива доминирования данного социального типа вызывала обеспокоенность, а в мещанстве виделся духовно-нравственный недуг.

Капиталистический тип отношений критиковал и Н.К. Михайловский, который считал его отрицательным фактором влияния на индивидуальное развитие личности. Параллельно с усовершенствованием

ем производительных сил происходит регресс личности, которая осуществляет строго ограниченные операции. Н.К. Михайловский сравнивал работу дикаря и фабричного человека. Дикарь, выбирая для строительства своего жилья необходимые деревья, занимаясь транспортировкой леса и строительством хижины, несмотря на конечный результат, жил всем своим существом, полной жизнью — работал не только физически, но и умственно. А современный рабочий выполняет из года в год одну и ту же операцию. «Возясь с обрывком целого, человек и сам превращается из целого в обрывок»¹³.

Даже убежденный сторонник капиталистической системы хозяйства И.К. Бабст отмечал в «Курсе политической экономии» бедственное положение западноевропейских рабочих: рабочий вырождается телом и душой, становится нравственным и физическим калекой и переходит почти в рабскую зависимость от фабриканта-капиталиста¹⁴.

С усилением роли капиталистических форм экономической деятельности в начале XIX века в России проявился интерес к политической экономии А. Смита, идеи которого оказали существенное влияние на формирование идеологии декабристов. Примером изложения служит «Русская правда» П.И. Пестеля¹⁵.

О свободе конкуренции капиталов и предприятий, о развитии частной инициативы и предпринимательства как основных инструментов экономического процветания государства говорил и А.С. Грибоедов в «Проекте учреждения Российской Закавказской компании» в 1828 году.

Христианские социалисты заявляли о необходимости формирования условий для достижения всеобщего социального благосостояния. В капитализме они видели образец антагонистического хозяйства, где человек выступает не целью, а лишь средством создания материальных ценностей, которыми пользуются только владельцы капитала, оставляя непосредственных производителей в состоянии крайней бедности и главное — глубокого духовного угнетения. Экономика понималась как самодовлеющая сила, первичная по отношению к человеку, как поприще для применения единого нравственного закона, так как никакая экономическая необходимость не помешает человеку подчинить материальные соображения нравственным нормам.

Этот тезис отстаивали такие представители народничества и христианского социализма, как Н.И. Карев, Л.А. Тихомиров, В.П. Воронцов, А.Н. Миклашевский, В.Г. Яроцкий. Свою точку зрения на должную организацию хозяйственной деятельности они выразили в следующих положениях.

1. Экономика является не обособленной сферой отношений, а одним из компонентов культуры, носителем духовно-нравственных начал. Невозможно свести всю общественную жизнь к экономике, подчиняя ей эмоции и умственные запросы, лежащие в основе духовной культуры, искусства, религии.

2. Экономическая деятельность — одна из форм существования человека, которой должно находиться в состоянии подчиненности субъекту, а не господствовать над ним. «Не должно ставить Мамона на место Бога» и признавать вещественное богатство самостоятельным благом и конечной жизненной целью.

3. Нельзя оценивать человека дешевле бездушной вещи, превращать его в орудие хозяйственного процесса и позволять, чтобы производство совершалось за счет его достоинства.

4. Человек как хозяйственный деятель обязан нести ответственность относительно данной в его распоряжение природы. Не только люди, но и материальная природа не должна быть средством экономической эксплуатации, а лишь целью облагораживающего воздействия¹⁶.

Таким образом, должным признавалось только такое положение дел в хозяйстве, которое, соглашаясь с фундаментальными нравственными императивами, своей целью имеет не подавление человека, а его духовное развитие.

Народники также высказывали убеждение, что классическая политэкономия должна быть заменена наукой «о народном благосостоянии», целью которой будет изложение не естественных законов хозяйства, а законов хозяйственной деятельности, сообразных с общественными началами. Близких воззрений придерживались и представители демократической общности. Так, Л.Н. Толстой считал противоречащим фундаментальным принципам организации жизни тезис об эгоизме как основном мотивационном механизме политэкономии. Если и сравнивать жизнь общества с организацией жизни животных, то нужно иметь в виду животных общественных, таких как пчелы. «Человек, не говоря... о вложенной в него любви к ближнему... самой природой своей привязан к служению другим людям и общей человеческой цели»¹⁷.

Эту идею в 1907 году отразил П.А. Кропоткин в своей книге «Взаимопомощь как фактор эволюции». Наблюдая за жизнью животных, он пришел к выводу, что в ее основе лежит закон «взаимной помощи», что подразумевает совместную борьбу против условий естественной природы, не благоприятных для жизнедеятельности вида. «Вымирают те, кто не смог хорошо приспособиться, то есть те, кто не умеет поддерживать друг друга — как сильных, так и слабых — ради блага всего общества». П.А. Кропоткин говорил о том, что закон о взаимной помощи, основываясь на инстинкте общительности, был выработан в ходе эволюции и стал фундаментом появления у человека таких зачатков нравственности, как чувства долга, сострадания, уважения к соплеменнику, самопожертвования. Первым учителем этики и источником нравственного начала является природа.

«Легальные марксисты» П.Б. Струве и Г.В. Плеханов видели главную цель экономико-материалистического подхода в получении научно-объектив-

ного знания при условии полной свободы от какого-либо морализаторства. Н.И. Кареев возражал, говоря, что анализ общественной жизни необходимо осуществлять через личность человека как сосредоточие разнообразных психологических переживаний, мыслей, чувств, желаний, постигать изучаемые явления не только с научной точки зрения, но и нравственной справедливости, вводя в исследование этическую оценку¹⁸.

В.О. Ключевский писал: «В ветхом и пыльном свитке самого сухого содержания, в купчей, закладной, заемной, меновой, под юридической формальностью иногда прозвучит нравственный мотив, из-под хозяйственной мелочи блеснет искра религиозного чувства, и вы видите, как хозяйственная сделка озаряется изнутри теплым светом, мертвая норма права оживает и перерождается в доброе житейское отношение, не соответствующее ее первоначальной природе»¹⁹. С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, заложившие основы христианского социализма как общественно-политического течения, также говорили о духовном измерении хозяйственной деятельности.

Так, С.Н. Булгаков обращал внимание на то, что на каких бы мотивах не базировались действия людей, они не должны выходить за границы, определяемые совестью. «В основе моральных требований у Смита лежит начало религиозное, заповедь Божья», сущность которой требует содействия человеческому счастью, а поэтому человек, согласующий свои действия с божественным замыслом, является как бы сотрудником Бога²⁰. Эта идея была положена Булгаковым в основу разработанного им учения «Философия хозяйства», которая представляла собой теорию, ставящую и разрешающую «вопросы экономической жизни при свете и в духе» христианства²¹.

Идея в том, что за материальной видимостью хозяйства скрывается единая и связанная деятельность, в хозяйственном процессе природа реализует способность к самосознанию и труду над собой. Единая мировая душа стремится овладеть природой или миром. И изучение реального хозяйственного процесса позволяет установить степень понимания человечеством сущностного содержания экономической деятельности и выявить уровень его соответствия исходному замыслу. Что в основе каждого профессионального труда лежит «этическая самодисциплина», что в человеке необходимо воспитывать «сознание общественных обязанностей», предполагающих не столько удовлетворение своекорыстных мотивов, сколько осуществление своего главного предназначения — нести одухотворяющее начало в природную стихию²². Интересна позиция Булгакова, согласно которой «для языческой политической экономии рост богатства признается целью и оценивается с точки зрения возможности тех наслаждений, которые при помощи его можно извлекать... Для христианства рост богатства представляет благо только как средство освобождения человеческого духа» и поэто-

му «не всякий экономический прогресс извращениями и утонченной материальной культуры является желательным и добрым с христианской точки зрения»²³.

Таким образом, можно видеть — проблема нравственности в хозяйственной деятельности традиционно находилась в поле зрения российских мыслителей. Примечательно, что и в настоящее время продолжают те же споры, заставляя природу дискуссий более чем вековой давности и выявлять незавершенные вопросы. Как и на рубеже XIX—XX веков, перед нами стоит вопрос совмещения идеи прогресса с сохранением духовно-нравственных традиций. Историческая практика показывает, что его решение подобно поиску философского камня. Находясь в центре внимания российских мыслителей, этот вопрос и сегодня остается одним из дискуссионных. Сложность его решения обусловливается необходимостью изменения индивидуального сознания, осознанного отношения к реальности, что предполагает прежде всего духовный труд и самостоятельную работу мысли.

Примечания

1. Мировой кризис // club.higher-world.ru/forum/4-171-3; Анатомия глобального кризиса // bystrov.ucoz.org/blog2009-02-02-27; Саркози против либералов: урок для России // www.politforums.ru/foreign/1222679272.html; Кризис морали // www.vrns.ru/day_theme/index.php?nid=869&mp
2. См.: Соловьев В.С. Тайна прогресса // Сочинения: В 2 т. — М., 1990. — Т. 2. — С. 557.
3. Общественные недуги в Западной Европе // Современник. — 1846. — № 11. — С. 174—176.
4. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. — М., 1997. — С. 15.
5. Пушкин А.С. Джон Теннер // Собр. соч.: В 10 т. — М., 1981. — Т. 7. — С. 161.
6. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Собр. соч.: В 10 т. — М., 1956. — Т. 4. — С. 91—92, 102.
7. См.: Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Собр. соч.: В 10 т. — М., 1956. — Т. 4. — С. 93.
8. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Собр. соч.: В 8 т. — М., 1984. — Т. 8.
9. См.: Смирнова О.А. Общественная полемика в России о капитализме и опыте отечественной культурно-производственной традиции (XIX — начало XX в.). — СПб., 2011. — С. 151.
10. Милютин В.А. Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции. — М., 2010. — С. 186—187.
11. Чернышевский Н.Г. Что делать? // Библиотека всемирной литературы: В 200 т. — М., 1969. — Т. 122. — С. 177.
12. См.: Добролюбов Н.А. Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ // Собр. соч.: В 3 т. — М., 1987. — Т. 2. — С. 12—14.
13. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // Сочинения: В 6 т. — Т. 1. — СПб., 1896. — С. 35.

14. См.: Каратаев Н.К. Экономические науки в московском университете. — М., 1956. — С. 99—104.
15. Пестель П.И. Русская правда // Восстание декабристов. Документы. — М., 1958. — Т. 7.
16. См.: Смирнова О.А. Указ. соч. — С. 151.
17. Там же. — С. 209.
18. См.: Михайловский Н.К. Политическая экономия и общественная наука // Сочинения: В 6 т. — СПб., 1897. — Т. 6. — С. 293.
19. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения: В 9 т. — М., 1989. — Т. 1. — С. 414—415.
20. См.: Смирнова О.А. Указ. соч. — С. 196.
21. Булгаков С.Н. История экономических учений. — М., 1911. — С. 71.
22. Там же. — С. 74.
23. Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Сочинения: В 2 т. — М., 1993. — Т. 2. — С. 347, 356.

Ю.Г. Галай

Галай Юрий Григорьевич — заведующий кафедрой теории и истории права и государства Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор

E-mail: ugalay@hse.nnov.ru

Коррупционное покровительство полиции игорным заведениям в России начала XX столетия

В статье говорится о распространении запрещенных азартных игр в **Российской империи** и о том, как **коррупционная полиция** Петербурга и Москвы брала под покровительство выгодные для них в материальном плане **игорные заведения**.

The spread of illegal gambling games in the **imperial Russia** is discussed, as well as how the **corruptive police** in Petersburg and Moscow patronized profitable for them **gambling establishments**.

Недавно в нашей стране разразился громкий коррупционный скандал, связанный с нелегальным игорным бизнесом. В нем фигурируют высокопоставленные чины прокуратуры и милиции (полиции). Однако выявленная ситуация не является чем-то экстраординарным для современного российского общества, она прослеживается и в историческом плане. История — удивительная вещь, которая предоставляет порой исследователю любопытнейший материал, напрямую связанный с нашим временем.

К началу XX столетия азартные игры были запрещены во всех странах Европы, за исключением Монте-Карло, где существовал официально игорный дом. Действующий к этому времени российский закон различал игры коммерческие (ломбер, кадрилья, пикет, контра) и азартные (банк, фаро, квинтич), первые дозволялись, вторые по-прежнему были запрещены.

Наблюдение за запрещенными играми вменялось полиции исполнительной, которая должна была их открывать и проводить расследование (род и орудие игры, время, место игры, участники, цель игры и обстоятельства, объясняющие, с каким намерением играли). При этом полиция должна была поступать с осторожностью, чтобы не причинить напрасных поклепов, обид и беспокойств играющим.

В последней четверти XIX века от Министерства внутренних дел стало зависеть объявление какой-либо азартной игры запрещенной.

Что касается наказаний за азартные игры, то они регулировались Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года, статья 990 которого гласила: «кто в своем доме или ином каком-либо месте устроит или дозволит устроить заведения для запрещенных игр», то за это полагается: в первый раз денежное взыскание не свыше 3 000 руб.; во второй — такой же штраф и арест от трех недель до трех месяцев; в третий — сверх денежного взыскания заключение в тюрьме от 4 до 8 месяцев.

Из общего смысла статьи видно, что под нее подходили те случаи, когда кто-либо постоянно давал пристанище игрокам со знанием цели, для которой они собрались.

Эта статья Уложения вовсе не требовала, чтобы игра происходила непрерывно, она могла происходить с промежутками и более или менее продолжительно. Не требовалось, чтобы хозяин извлекал выгоду из игры и чтобы заведение было устроено исключительно для игры. Ответственность по этой статье лежала на хозяине игорного дома, а не на лицах, участвовавших в игре. Закон также не предусматривал конфискации имущества, предназ-